K 8 10/213

Книгоиздательство «ТРУДЪ и ВОЛЯ»
(Подъ редакціей Д. Гремяченскаго).

№ 19

Карлъ Каутскій

10
213

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

(Ледяной домъ)

Перев. С. О. Загор—го

Складъ изданій: Москва, М. Дмитровка, Дегтярный, 10.
Книжный складъ Д. П. Ефимова.

К 8 10/213

Книгоиздательство „ТРУДЪ и ВОЛЯ"
(Подъ ред. *Д. Г. Гремяченскаго*).

Карлъ Каутскій.

О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

(Ледяной домъ).

Перев. **С. О. Загор—го.**

Складъ изданія:
Москва, М. Дмитровка, Дегтярный пер., д. 10.
Книжный складъ Д. П. Ефимова.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ _____ г.
463472 М

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ К. Л. МЕНЬШОВА.
АРБАТЪ, НИКОЛЬСКІЙ, 21.

Предсказывая въ 1846 г. приближеніе революціи, Фердинандъ Фрейлигратъ приводилъ разсказъ о Ледяномъ домѣ, который императрица Елизавета приказала построить для себя зимой на берегу Невы для того, чтобы устраивать тамъ празднества. „До самаго марта можно было любоваться величіемъ дворца. Но и въ Россіи сверкаютъ солнечные лучи, и на Невѣ таютъ льдины. И вотъ при первомъ дуновеніи южнаго вѣтра вся сверкающая громада обрушилась и провалилась въ воду.

Фрейлигратъ предвидѣлъ, однако, революцію не въ Россіи, а въ Западной Европѣ. Нева олицетворяла для него революціонныя массы народа.

„Народъ смелъ зимній морозъ тиранiи и снесъ то, что долго терпѣлъ,—ледяной домъ деспотизма".

Фрейлигратъ не предусматривалъ возможности русской революціи. Что русскій народъ можетъ подняться противъ своихъ угнетателей, казалось тогда безнадежной мечтой. Полвѣка спустя Западная Европа перестала руководить международными революціонными движеніями. Россія сдѣлалась страной революціонной иниціативы,—иниціативы не отдѣльныхъ лицъ и не отдѣльныхъ группъ или организацій, но стихійной иниціативы народныхъ массъ. Это было въ 1905 г., это снова имѣетъ мѣсто и въ настоящій моментъ.

Уже не аллегорически, но въ дѣйствительности Россія стала въ настоящее время страной, гдѣ впервые повѣялъ весенній вѣтеръ, который разрушилъ ледяной домъ деспотизма и обѣщаетъ растопить ледяныя умерщвляющія все живое оковы безконечной военной зимы.

Всѣ воюющіе народы попали въ тупикъ. Всѣ они жаждутъ окончанія войны. Ни одно изъ правительствъ не сумѣло найти пути къ этой цѣли. И вотъ революція въ Россіи производитъ брешь, которая можетъ слу-

жить выходомъ. Что война и революція, хотя и не непремѣнно соціальная революція, но во всякомъ случаѣ паденіе существующей системы и устраненіе господствующихъ властителей тѣсно связаны другъ съ другомъ въ теченіе всего послѣдняго столѣтія, считалось до настоящей міровой войны въ рядахъ соціалъ-демократіи общепризнаннымъ, сдѣлалось даже общимъ мѣстомъ. И сами правительства разсуждали такимъ же образомъ, въ противномъ случаѣ міровая война разразилась бы гораздо раньше. Но какъ это ни удивительно, и многія правительства, и революціонеры считали, что революція должна разразиться при самомъ возникновеніи войны. Революцію считали средствомъ воспрепятствовать веденію войны для того, чтобы съ интернаціоналистской точки зрѣнія, всюду примѣняя это средство, сдѣлать войну, такимъ образомъ, невозможной или съ точки зрѣнія одного изъ воюющихъ народовъ ослабить противника, у котораго одного только это средство должно получить примѣненіе.

Эти ожиданія нигдѣ не осуществились. Нѣкоторые изъ нашихъ революціонно настроенныхъ товарищей возлагали вину за это на тѣхъ, которые заранѣе скептически относились къ революціи какъ къ средству насильственно воспрепятствовать веденію войны. Но въ дѣйствительности и тѣ соціалистическія партіи, которыя и въ мирное время энергичнѣе всего пропагандировали такой исходъ борьбы противъ войны, не могли употребить это средство, какъ только разразилась война, потому, что отсутствовалъ рѣшающій въ этомъ дѣлѣ факторъ—необходимое настроеніе народныхъ массъ. Это ясно показываетъ примѣръ Италіи. Если была какая-либо соціалистическая партія, которая въ этой войнѣ выполнила свой долгъ, то это—итальянская партія. Если гдѣ-либо происходитъ сейчасъ война, которая даже для самаго тупого человѣка не является войной оборонительной, то это именно та война, которую объявила Италія. И ни въ какой другой странѣ массовая забастовка, вслѣдствіе неоднократнаго примѣненія ея, не внѣдрилась въ народное сознаніе такъ сильно, какъ то имѣетъ мѣсто въ Италіи. И тѣмъ не менѣе и въ этой

странѣ оказалось невозможнымъ воспрепятствовать возникновенію войны путемъ выступленій народныхъ массъ.

Исходя изъ этого отсутствія революціи многіе радикалы приходили къ заключенію, что о революціи, вообще нечего говорить, что существующій режимъ повсюду получилъ еще большую прочность, чѣмъ прежде, и что остается только съ нимъ считаться. Началась большая переоцѣнка прежнихъ воззрѣній—предпріятіе, оказавшееся слишкомъ поспѣшнымъ.

Среди тѣхъ, которые настаивали на вѣской связи между войной и революціей, существовалъ, однако, цѣлый рядъ лицъ, которыя въ этомъ пересмотрѣ прежнихъ воззрѣній не нуждались, такъ какъ они ожидали революціи не въ началѣ, но лишь въ концѣ войны.

Я не могу вспомнить ни одного случая, когда бы начало войны уничтожило существующее правительство и вызвало бы перемѣну всей системы. Но такой результатъ въ теченіе всего XIX столѣтія являлся неизбѣжнымъ концомъ всякой войны для побѣжденнаго, а иногда и для побѣдителя, когда результаты побѣды оказывались купленными слишкомъ дорогой цѣной и война обнаруживала неспособность господствующаго режима. За войной, которую Россія въ 1877 г. побѣдоносно вела противъ Турціи и въ которой русскія войска почти достигли вратъ Царьграда, послѣдовало революціонное движеніе, которое началось съ выстрѣла нашего товарища Вѣры Засуличъ и достигло своего кульминаціоннаго пункта въ убійствѣ Александра II и которое, какъ и настоящая революція и какъ многія другія революціонныя дѣйствія, также разразилось въ мартѣ.

Такимъ образомъ, и на этотъ разъ, при возникновеніи войны, нужно было ожидать, что окончаніе ея вызоветъ сильныя внутреннія политическія движенія, которыя, смотря по характеру конца войны въ той или другой странѣ, примутъ революціонный характеръ.

Но чего нельзя было ожидать, что вызываетъ изумленіе, это—взрывъ революціи въ Россіи въ теченіе войны. Это совершенно необычный случай, который не имѣетъ прецедентовъ въ XIX столѣтіи. Паденіе Фран-

цузской имперіи послѣ Седана не было дѣломъ одной только революціи. Этотъ режимъ воплощался въ личности Наполеона III и лишился своей опоры, когда Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ при Седанѣ. Революціонное выступленіе недовольныхъ народныхъ массъ въ Парижѣ произошло уже послѣ того, какъ миръ былъ заключенъ.

Для того, чтобы найти прецедентъ измѣненія господствующей системы посредствомъ революціи во время войны, необходимо обратиться къ великой французской революціи.

Во время войны, загорѣвшейся въ апрѣлѣ 1793 г. между Франціей, съ одной стороны, и Австріей и Пруссіей—съ другой, сперва былъ низвергнутъ тронъ (въ августѣ 1792 г.), потому что монархія благопріятствовала національному врагу, а затѣмъ, въ іюнѣ 1793 г., были уничтожены жирондисты, потому что они не вели борьбы противъ частной собственности поставщиковъ и аграріевъ съ той энергіей, какой требовала ведшаяся тогда противъ Франціи война на истощеніе.

Теперешнюю революцію въ Россіи можно было бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сравнить съ этими событіями французской революціи. Нѣчто подобное Энгельсъ ожидалъ для Германіи въ томъ случаѣ, если бы на нее одновременно напали Франція и Россія. Въ своей такъ часто цитированной за послѣдніе годы, статьѣ „Sozialismus in Deutschland“ („Neue Zeit“, X, 1, с. 580), онъ писалъ:

„Война, при которой русскіе и французы вторглись бы въ Германію, была бы для послѣдней борьбой на жизнь и на смерть; Германія при этомъ смогла бы обезпечить свое національное существованіе, лишь прибѣгнувъ къ революціоннымъ мѣропріятіямъ. Теперешнее правительство, разумѣется, не откроетъ пути для революціи, если оно не будетъ къ этому принуждено. Но мы имѣемъ сильную партію, которая принудитъ его къ этому или, въ случаѣ нужды, замѣнитъ его,—мы имѣемъ соціалъ-демократическую партію“.

Сторонники военныхъ кредитовъ охотно цитируютъ это мѣсто. Но они предпочитаютъ приводить лишь первыя строки этого отрывка.

Рекомендованное Энгельсомъ средство въ настоящее время примѣнено не германской соціалъ-демократической партіей, а революціонными массами Россіи.

Разумѣется, первый возникающій по отношенію къ новой революціи вопросъ касается не того, какое она окажетъ вліяніе на демократію и соціализмъ, а того, какую она роль сыграетъ въ вопросѣ о войнѣ и концѣ ея.

Но объ этомъ нельзя пока сказать ничего опредѣленнаго, ибо намъ приходится считаться со слишкомъ многими и неопредѣленными факторами. Однако, насъ окрыляетъ надежда, что теперь выступилъ на сцену новый факторъ военной политики, повсюду исчезнувшій въ эру бургфридена,—революціонный пролетаріатъ и соціализмъ; можно надѣяться, что въ Россіи они будутъ скорѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, руководиться интернаціональными, а не національными, мотивами.

Разумѣется, теперешняя революція,—какъ и всѣ удававшіяся до сихъ поръ революціи,—дѣло не одного единственнаго класса, партіи или теченія, а результатъ сотрудничества нѣсколькихъ, весьма различныхъ, группъ, сошедшихся въ одномъ пунктѣ, въ стремленіи покончить съ абсолютизмомъ и господствомъ бюрократіи. Начало положили голодныя массы; крики о хлѣбѣ были боевымъ ключомъ революціонныхъ борцовъ. Но къ нимъ присоединились и многіе такіе, которые могли обвинить царизмъ лишь въ томъ, что онъ не сумѣлъ вести успѣшно войны.

Какъ и во всякой удавшейся революціи, и въ русской революціи вслѣдъ за побѣдой ея начнется борьба различныхъ и часто противорѣчивыхъ тенденцій. Пока еще не видно, какая изъ тенденцій окажется въ концѣ-концовъ преобладающей. Мы не можемъ сказать, будетъ ли война вестись энергичнѣе или слабѣе, ни того, окрѣпнетъ ли воля къ войнѣ или воля къ миру.

Но одно несомнѣнно: новый режимъ не сможетъ продолжать насильственныхъ методовъ своихъ предшественниковъ по отношенію ко всякой оппозиціи. Онъ не посмѣетъ примѣнить этихъ методовъ, памятуя огромную силу, развитую революціонной массой. А если, несмотря на это, онъ вынужденъ будетъ почему-либо прибѣгнуть къ

насиліямъ, то у него не хватитъ внутренней силы, чтобы сдѣлать это съ успѣхомъ. Борьба за миръ, за скорый и пріемлемый миръ, безобидный для всѣхъ воюющихъ народовъ, отнынѣ нигдѣ не будетъ вестись такъ свободно, нигдѣ не наткнется на такія незначительныя препятствія, какъ въ Россіи.

Рѣшающее значеніе для мира имѣетъ вопросъ, какъ русская революція отразится на Европѣ и прежде всего на германской соціалъ-демократіи. И здѣсь, къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что пока не можемъ сказать объ этомъ ничего опредѣленнаго, въ виду запутанности нашихъ партійныхъ отношеній. 4 августа 1914 г. большинство соціалъ-демокрктической фракціи вотировало временные кредиты подъ знакомъ стараго боевого клича: „Борьба противъ царя", который они считали завѣщаніемъ нашихъ учителей. Въ ихъ декларації мы читаемъ:

„Для нашего народа и его свободнаго будущаго вопросъ,—въ случаѣ побѣды русскаго деспотизма, запятнавшаго себя кровью лучшихъ сыновъ своего народа,—идетъ объ очень многомъ, если не обо всемъ. Мы высказываемъ здѣсь то, что мы всегда подчеркивали: въ часъ опасности мы не покинемъ отечества".

Здѣсь, слѣдовательно, въ качествѣ опасности, угрожающей отечеству и подлежащей устраненію, отмѣчается „побѣда русскаго деспотизма".

Цѣль войны для соціалъ-демократической фракціи, поставленная ею 4 августа—паденіе самодержавія,—теперь достигнута. Измѣнитъ ли отнынѣ партія свое поведеніе?

Теперь становится болѣе настоятельнымъ, чѣмъ когдалибо раньше, изложеніе цѣлей войны со стороны имперскаго правительства,—во-первыхъ, потому, что врагъ съ востока внезапно сталъ совершенно инымъ, а также и потому, что кореннымъ образомъ измѣнились условія пропаганды мира у него. Партія мира теперь доминируетъ въ Россіи; она пріобрѣтаетъ поэтому рѣшающее вліяніе на поведеніе десятернаго союза.

Наша важнѣйшая задача—укрѣпить ея положеніе. Этого можно достигнуть лишь въ томъ случаѣ, если

имперское правительство сообщитъ въ возможно кратчайшій срокъ о своихъ цѣляхъ войны,—о такихъ цѣляхъ, которыя дозволяютъ заключить безобидный, не угрожающій ни одному народу, не производящій насилія ни надъ какимъ народомъ миръ. Только надежда на подобный миръ-можетъ помочь русской партіи мира упрочить свое положеніе.

Передъ германской соціалъ-демократіей вырастаетъ теперь огромная задача. Справится ли съ ней то теченіе въ ней, которое располагаетъ наибольшими возможностями дать услышать свое мнѣніе въ печати и въ парламентахъ? Надежды на это не велики 18-го(5) марта въ „Vormärts'ѣ“ была помѣщена—въ воспоминаніе о прежнихъ революціяхъ и въ связи съ послѣдней революціей—статья, содержаніе которой можно вкратцѣ формулировать такъ: недовѣріе къ революціи и довѣріе къ имперскому канцлеру. „Vormärts“ писалъ:

„Мы не желаемъ гражданской борьбы во время войны. Политически зрѣлый нѣмецкій народъ понимаетъ, что въ томъ положеніи, въ которомъ мы находимся, мы не можемъ позволить себѣ этой роскоши: поэтому онъ и переноситъ возложенное на него бремя съ терпѣніемъ, вызывающимъ изумленіе канцлера“.

Такимъ образомъ, гражданская война—это роскошь, которую не позволитъ себѣ во время войны политически зрѣлый народъ. Этой концепціи „Vormärts'а“ соотвѣтствуетъ и то, что онъ разсказываетъ въ той же статьѣ,—разсказываетъ теперь, въ дни революціи,—будто русскій народъ въ политическомъ отношеніи стоитъ ниже нѣмецкаго.

Что касается имперскаго канцлера, въ той же статьѣ мы читаемъ:

„Въ прошлую среду германскій имперскій канцлеръ произнесъ въ прусской палатѣ рѣчь, въ которой онъ возвѣстилъ новое свободное государство. Руководитель германской политики далъ торжественную клятву, что нѣмецкій народъ уже не долго будетъ находиться позади другихъ народовъ въ своемъ свободномъ развитіи“.

Здѣсь, какъ мы видимъ, указанъ путь, по которому, по мнѣнію праваго крыла нѣмецкой соціалъ-демократіи,

добиваются свободы „политически зрѣлые“ народы: не путемъ „гражданской борьбы во время войны“, а путемъ благожелательнаго отношенія имперскаго канцлера. Надо при этомъ замѣтить, что въ своей рѣчи канцлеръ не произнесъ никакихъ конкретныхъ обѣщаній, не говоря уже о клятвахъ; наоборотъ, онъ тщательно уклонялся отъ всякихъ опредѣленныхъ высказываній, и это было очень правильно съ его точки зрѣнія, ибо всякая попытка сдѣлать хотя бы только одинъ шагъ въ сторону „новаго свободнаго государства“ вызвала бы серьезнѣйшую гражданскую борьбу. Кто боится послѣдней, долженъ отказаться отъ перваго.

Русская революція нашла здѣсь мало обѣщающій откликъ. Пока еще трудно сказать, какъ она будетъ встрѣчена нѣмецкими массами. Въ настоящее время онѣ не могутъ высказывать свое мнѣніе такъ легко, какъ говорящіе отъ ихъ имени государственные мужи; но много признаковъ указываютъ на то, что на массы революція дѣйствуетъ по-иному, и дѣйствіе это будетъ сказываться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ лучше онѣ поймутъ колоссальное значеніе этого событія.

Въ исторіи этой войны начинается новая эпоха; сущность ея измѣняется кореннымъ образомъ.

Русская революція, это—первый лучъ надежды, озарившій съ начала войны бѣдную, пропитанную кровью землю. Первый лучъ солнца, позволяющій надѣяться, что ростки мира взойдутъ. А когда солнце входитъ въ силу, начинается для ледяныхъ домовъ скверное время.

Карлъ Каутскій.

Великая всемірная война, начавшаяся сначала въ Европѣ и затѣмъ перебросившаяся въ Африку, въ Азію и теперь даже въ Америку, затрогиваетъ безконечное количество самыхъ разнообразныхъ интересовъ. Нельзя сейчасъ указать ни одной области, въ которой война не отразилась бы въ большей или меньшей степени, и, слѣдовательно, будущему мирному конгрессу придется рѣшать безчисленное множество вопросовъ. Вопросы о контрибуціи и аннексіи или объ отказѣ отъ нихъ, о возвращеніи завоеванныхъ не въ эту, а въ предыду-

щія войны областей, вродѣ Эльзаса-Лотарингіи, о самостоятельности Польши, о германскихъ колоніяхъ, о торговыхъ договорахъ, о полномъ или частичномъ разоруженіи,—вотъ подводные камни для утлой ладьи будущихъ мирныхъ переговоровъ.

Пока еще гремятъ пушки, рвутся „чемоданы“ и льется кровь,—вопросы эти не имѣютъ еще той остроты, которую они пріобрѣтутъ впослѣдствіи. И самое начало мирныхъ переговоровъ кажется еще далекимъ, теряется въ туманѣ будущаго. Однако, придется же когда-нибудь къ нимъ приступить и заявить хотя въ общихъ чертахъ объ условіяхъ.

Россія сдѣлала въ этомъ отношеніи вполнѣ опредѣленный шагъ: она прямо, откровенно и опредѣленно заявила: миръ безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ національнаго самоопредѣленія и достоинства народовъ. Это заявленіе было недавно подкрѣплено снова, ибо когда въ дипломатической нотѣ временнаго правительства о цѣляхъ войны были обнаружены нѣкоторыя неясныя выраженія, то въ Петроградѣ возникли волненія и раздоры, въ которыхъ могла погибнуть наша молодая свобода. Порядокъ и спокойствіе въ массахъ воцарились только тогда, когда основное заявленіе о цѣляхъ было подтверждено еще разъ ясно и вразумительно.

Еще до этой ноты, вскорѣ послѣ свержения Николая II, нами было опубликовано воззваніе къ народамъ всего міра, которымъ протягивалась съ нашей стороны братская рука и которые приглашались свергнуть реакціонныя правительства.

Такимъ образомъ, наша позиція ясна, искренность наша внѣ сомнѣнія, разъ мы не побоялись подвергнуть величайшей опасности все дѣло нашей революціи, когда намъ показалось, что Временное Правительство не точно опредѣляетъ цѣли и задачи войны.

Теперь очередь высказываться по тому же вопросу за другими странами и въ частности за Германіей.

Понятно поэтому, какой интересъ имѣетъ всякое слово, идущее изъ Германіи, а въ особенности отъ такого призваннаго вождя соціалъ-демократіи, какъ К. Каутскій. Каутскій удивляется тому, что революціонный

взрывъ разразился въ Россіи въ теченіе войны, въ то время какъ „по теоріи“—революціи обыкновенно слѣдуютъ послѣ войнъ.—На-ряду съ несомнѣнной практичностью у нѣмцевъ есть одна характерная черта: это—любовь къ теоретическимъ построеніямъ и вѣра въ ихъ непогрѣшимость. Черта эта была отмѣчена и довольно зло вышучена Л. Н. Толстымъ въ его „Войнѣ и мирѣ“.

— Неужели же Каутскій не зналъ, что старый, только-что поверженный строй велъ насъ въ пропасть, не только-къ пораженію на поляхъ битвъ, но и къ полному развалу и разрухѣ всѣхъ сторонъ русской жизни? Конечно, всѣ мы сознавали и сознаемъ, что перестраивать весь свой строй предъ лицомъ грознаго и жестокаго врага чрезвычайно опасно, но намъ не оставалось иного выхода.

Какъ бы то ни было, по теоріи или вопреки ей, но русская революція совершилась. Какъ старый соціалъ-демократъ и приверженецъ революціи, Каутскій не можетъ не отдать дань восхищенія предъ нею. Онъ называетъ ее первымъ лучомъ надежды, озарившимъ съ начала войны бѣдную, пропитанную кровью, землю первымъ лучомъ солнца, позволяющимъ надѣяться, что ростки мира взойдутъ.

Каждый русскій гражданинъ, конечно, съ удовольствіемъ прочитаетъ эти комплименты русской революціи. Но во имя интересовъ той же революціи, демократіи и ускоренія мира намъ хотѣлось бы, чтобы и германскій народъ поддержалъ наши лозунги и не только выраженіемъ своего сочувствія, но и дѣйствіями.—

Въ Германіи же на это с пособна только одна соціалъ-демократическая партія, бывшая всегда признаннымъ вождемъ рабочго класса всѣхъ другихъ странъ. Остальныя нѣмецкія партіи выражаютъ интересы или помѣщичьихъ, или буржуазныхъ классовъ. На соціалъ же демократическую германскую партію мы всѣ всегда смотрѣли какъ на великое революціонное начало, построенное на основѣ *научнаго* соціализма.

Теперь, по признанію Каутскаго, революціонное знамя уже выпало изъ рукъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ и революціонная иниціатива перешла къ Рос-

сіи, которая превратилась въ страну стихійной иниціативы народныхъ массъ.—Такъ идетъ съ начала нынѣшняго вѣка.

Держать въ своихъ рукахъ революціонное знамя—дѣло великое и благородное, но трудное и отвѣтственное. Но почему же Каутскій возлагаетъ это тяжелое и отвѣтственное бремя на плечи молодой русской демократіи?

Правда, политическій гнетъ въ Россіи былъ невыносимъ, и поэтому рано или поздно революція должна была вспыхнуть.

Но ужъ такъ ли хорошо политическое устройство Германіи, въ частности Пруссіи съ ея первобытной конституціей, нѣтъ ли и въ Германіи достаточно матеріала для революціоннаго пожара на политической почвѣ? Не надо забывать, что у нѣмцевъ вѣдь до сихъ поръ нѣтъ отвѣтственнаго министерства, что у нихъ еще очень силенъ и вліятеленъ классъ аграріевъ, т. е. помѣщиковъ, среди которыхъ можно отыскать немало зубровъ въ родѣ Маркова II.

Но если политическій гнетъ былъ гораздо сильнѣе въ Россіи, чѣмъ въ Германіи, то элементовъ, питающихъ соціальную революціи, въ Германіи гораздо больше, чѣмъ у насъ; Россія—страна со слабо развитой промышленностью, съ небольшимъ количествомъ городовъ, изъ которыхъ большинство походятъ скорѣе на села,—однимъ словомъ, страна натуральнаго хозяйства. Высоко и превосходно развитая промышленность Германіи дала ей рядъ огромныхъ городовъ, гдѣ населеніе всегда сознательнѣе и энергичнѣе, чѣмъ въ деревнѣ, создала ей огромную, прекрасно дисциплинированную армію рабочихъ и углубила противорѣчія между огромными богатствами и безысходной нищетой.

Если прибавить къ этому десятки лѣтъ соціалъ-демократической пропаганды, сводившейся къ приведенію принципа классовой борьбы и вообще ненависти къ теперешнему капиталистическому строю, то мы, русскіе, нисколько не были бы удивлены, узнавъ въ одинъ прекрасный день, что въ Германіи вспыхнула революція.

Въ противоположность Каутскому, мы все время

ждали ея, основываясь на изложенныхъ выше соображеніяхъ, довѣряя революціоннымъ началамъ, заложеннымъ въ нѣмецкую соціалъ-демократію.

Наши ожиданія и надежды, повидимому, напрасны.

Какъ явствуетъ изъ статьи „Vorwärts“, нѣмецкая соціалъ-демократія считаетъ гражданскую борьбу во время войны - *роскошью*, которую не можетъ себѣ позволить политически зрѣлый народъ. И это соображеніе даетъ возможность „Vorwärts'y“ считать русскій народъ, устроившій революцію во время войны, стоящимъ ниже нѣмецкаго въ политическомъ отношеніи.

Извѣстно, что громкій, на весь міръ, русскій призывъ къ народамъ, ниспровергнуть реакціонныя правительства остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и братски протянутая русская рука повисла въ воздухѣ.

Русскій призывъ—актъ благородный, искренній и великодушный. Будущій безпристрастный историкъ съ удовлетвореніемъ отмѣтитъ, какъ великій народъ, только-что сбросившій съ себя вѣковыя цѣпи, обратился съ призывомъ къ свободѣ къ другимъ народамъ и протянулъ имъ свою братскую руку.

Но изъ того, какъ народы отвѣтили на этотъ призывъ, надо все-таки умѣть дѣлать выводы. Иначе Россія рискуетъ впасть въ прекраснодушіе и маниловщину.

Мы помнимъ, какъ отвѣтили нѣмецкія соціалисты на нашъ кличъ: никакой народъ не имѣетъ права мѣшаться во внутреннія дѣла другого народа... Это уже похоже на канцелярскую отписку, ничего не могущей прибавить къ славѣ „Интернаціонала“...

Да и трудно, повидимому, ждать чего-либо иного отъ нѣмецкихъ соціалистовъ, если они, какъ видно изъ статьи Каутскаго, превыше всего ставятъ „благожелательное отношеніе канцлера“.

Нѣмецкій народъ „переноситъ возложенное на него бремя съ терпѣніемъ, *вызывающимъ изумленіе канцлера*“,—пишетъ „Vorwärts“ съ удовольствіемъ, не замѣчая того поистинѣ траги-комическаго положенія, въ которое онъ впадаетъ.

Вѣдь это похоже на то, если бы русскіе соціалисты

писали: „русскій народъ переноситъ свои злоключенія съ терпѣніемъ, вызывающимъ изумленіе Столыпина, Горемыкина или Штюрмера“...

Приходится констатировать, что нѣмецкая соціалъ-демократія забыла свое революціонное ученіе и погрязла въ заботахъ сохранить внутренній „бургфриде“ (гражданскій миръ).

„Русская революція,—пишетъ Каутскій,—нашла здѣсь мало обѣщающій откликъ“.—Да, надо сознаться, что русскій призывъ ко всѣмъ народамъ не дошелъ еще по тому адресу, гдѣ написано: „Германія“.

Не помогаетъ, повидимому, нѣмцамъ разобраться въ создавшемся положеніи и то обстоятельство, что если раньше они боролись противъ деспотической царской Россіи, то теперь они ведутъ войну съ передовыми демократіями Англіи и Франціи и съ только-что народившейся многообѣщающей демократіей молодой Россіи. И въ союзѣ съ кѣмъ же?—съ полудикой Болгаріей и дикой Турціей...

Пока еще трудно сказать,—говоритъ Каутскій,—какъ будетъ встрѣчена русская революція нѣмецкими массами, и высказываетъ смутную надежду, что это отношеніе, можетъ быть, будетъ иное. Но пока у насъ нѣтъ никакихъ конкретныхъ данныхъ судить объ этомъ, хотя времени съ начала русской революціи прошло достаточно.

Соціалистическіе же вожаки народныхъ нѣмецкихъ массъ довольствуются самыми неопредѣленными обѣщаніями канцлера по поводу будущихъ политическихъ преобразованій.

Такимъ образомъ, въ вопросѣ о дальнѣйшемъ развитіи революціи русскіе остаются пока одинокими, не встрѣчая себѣ поддержки у своихъ революціонныхъ учителей—у нѣмецкихъ соціалистовъ.

Наоборотъ, лучшіе изъ нихъ даже сами питаютъ тѣ или иныя надежды на русскую революцію, такъ какъ, по мнѣнію Каутскаго, борьба за миръ скорый, пріемлемый и безобидный для всѣхъ нигдѣ не будетъ вестись отнынѣ такъ свободно, какъ въ Россіи.

Бѣдные нѣмецкіе послѣдователи „Интернаціонала“

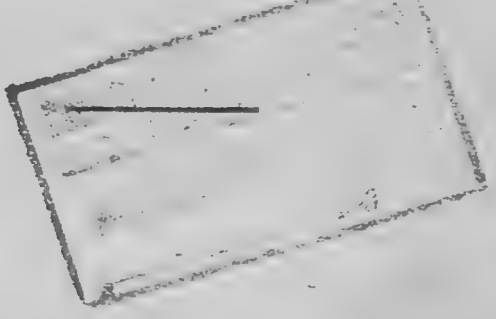
даже сколько-нибудь серьезную пропаганду мира и то возлагаютъ на Россію. Конечно, пріятно, не ударивъ палецъ о палецъ, получить благодаря русской революціи отвѣтственное министерство, какъ это обѣщано нѣмцамъ, пріятно, вооружившись до зубовъ и не испытывая „гражданской борьбы во время войны“, получить миръ, ибо при такихъ условіяхъ можно больше запросить,—но все-же надо и самимъ сдѣлать что-нибудь для мира...

Конечно, миръ долженъ быть заключенъ и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Но это долженъ быть достойный миръ, обезпечивающій народамъ свободное и полное развитіе всѣхъ ихъ силъ, а не миръ во что бы то ни стало...

Если нѣмецкіе соціалъ-демократы не могутъ не только помочь намъ въ укрѣпленіи нашей свободы, но даже еще и на насъ возлагаютъ надежды, то мы возьмемся за дѣло свободы и мира, но для этого мы должны быть тверды, сплочены, единодушны и прежде всего сильны. На перемиріе мы должны явиться во всеоружіи!

Деспотизмъ, будетъ ли онъ русскій или нѣмецкій, долженъ быть низвергнутъ всюду,—тотъ деспотизмъ, который туманитъ даже лучшія головы и заставляетъ возлагать надежды на „благожелательность“ канцлера.

Когда солнце входитъ въ силу, для ледяныхъ домовъ начинается скверное время,—говоритъ Каутскій. У насъ яркое солнце свободы растопило на Невѣ ледяной домъ, бывшій до сихъ поръ пріютомъ самой варварской тиранніи.

Желательно знать, изъ какого матеріала построенъ домъ на рѣкѣ Шпрее и сдѣлаютъ ли что-нибудь берлинцы для того, чтобы разрушить его... Вѣдь, солнце свободы уже взошло...

Редакція.